

Огненное дерево и серебряные цветы

Дань Фэн резко закрыл глаза. Злая радуга, вспыхнувшая в его море сознания, едва не ранила его. Наконец-то его воспоминания о Дворце Чанлю обрели хоть крупицу реальности.

Не облачные ширмы и изумрудные завесы, о которых говорил мир, а фигура, стоящая под ниспадающей радугой.

Церемониальное одеяние наследного принца было строгим, но широкие серебристо-синие рукава вздымались, как волны. Из-под них виднелось белоснежное запястье, держащее флейту. Весенний лёд, холодный дым. Одного взгляда было достаточно, чтобы он, вопреки всякой логике, решил, что именно так должен выглядеть лучший пейзаж Дворца Чанлю.

Образы Се Хунъи — один за другим — накладывались друг на друга.

Потомок императорской крови, мимолётное видение. Одинокая фигура у озера Белой Пагоды. В конце концов, все они слились в единый образ — спина в серебряной шубе и синих одеждах, сжимающая алый лук в ночном городе.

Очевидно, это был один и тот же человек, так почему он не помнит? Ни причин, ни следствий, даже этот обрывок воспоминания казался украденным.

В его сердце зародилась ярость, желание вцепиться и не отпускать, но фигура, словно ледяной туман, встретивший огонь, с шипением рассеялась.

— Когда я был во Дворце Чанлю? — спросил Дань Фэн.

— Меня спрашиваешь? — ответил Цзинь Добао.

— Вы что-то от меня скрываете. Если не тебя, то кого мне спрашивать? — сказал Дань Фэн. — Я до сих пор не могу понять, почему мой истинный огонь погас.

— А что тут думать? Если не впал в ересь, у кого ещё истинный огонь просто так гаснет? Старик, ты что, тоже в преграду страсти угодил?

Дань Фэн, не говоря ни слова, пнул его любимого ученика под зад. Сюэ Юнь взвизгнул, а Цзинь Добао, словно ему перехватило горло, на мгновение замолчал, а затем холодно усмехнулся.

— В Пурпурной террасе все записи до снежной напасти хранятся в целостности и сохранности. У

тебя не хватает смелости пойти и проверить?

Судя по тону, это был вполне дельный совет.

До снежной напасти, когда ученики Обители Сихэ покидали её пределы, на них накладывали талисман, записывающий всё, что они видели, и передающий это в Пурпурную террасу. Если ученики, потеряв контроль над истинным огнём, творили бесчинства, это служило доказательством.

Со временем в Пурпурной террасе, ведающей дисциплиной, скопилась гора неразрешённых дел.

Дань Фэн однажды умудрился за одну вылазку нарушить сто восемь правил. Гора его долгов была так велика, что могла бы обрушить половину Пурпурной террасы. Большинство учеников Обители Сихэ не отличались сдержанностью, но, по несчастливой случайности, два последних главы Пурпурной террасы придерживались принципа «клин клином вышибают» и превратили Обитель в настоящую железную тюрьму.

«Только вернулся, а уже расследуют моё злоупотребление истинным огнём. Я десять дней и ночей дрался, не используя огонь, я бы сдох!»

«Оскорбление главы союза, пренебрежение товарищами? Когда это я ругал старшего брата... Ха, Ваньли Гуйдань снова стал главой Союза Бессмертных?»

«Что на этот раз, похищение девиц? Чёрт, это была лиса-оборотень, да ещё и мужик...»

«Передайте вашему Янь Тайцзуню, если он ещё раз прицепится к паре выпитых мной чарок, я вырву его Пурпурную глицинию огненной темницы и буду использовать как кочергу!»

Вот такой несносный тип теперь стал его единственной надеждой на восстановление прошлого.

— Так иди, проверь! — подначивал Цзинь Добао.

— Ты предлагаешь мне ограбить Пурпурную террасу? — спросил Дань Фэн.

— Не втягивай меня в это, — притворно спохватился Цзинь Добао. — О, я забыл, дело об озере Белой Пагоды ещё не закрыто. Все твои грехи запечатаны в Пурпурной террасе, того и гляди завтра тебя снова заберут. Вот же моя память, принял тебя за приличного человека. Что, есть время расследовать дела Дворца Чанлю? Ты поймал Тень в снегу?

— Нет.

— Нашёл способ доказать, что ты не в сговоре с Сюэлянь?

— Тоже нет, — ответил Дань Фэн.

Цзинь Добао громко рассмеялся. Золотые и серебряные бусины в его волосах зазвенели, и на его белом, детском лице появилось выражение глубокой, бездонной злобы.

Дань Фэну это выражение было хорошо знакомо. Хоть между ними и оставались какие-то отголоски былой дружбы, позволявшие им общаться и время от времени подшучивать друг над другом, кровные узы братства были разорваны у озера Белой Пагоды.

Многие ненавидели его, желая, чтобы он сгинул на дне озера Ганьцзян.

Лишь пробуждение Владыки Обителю немного изменило ситуацию, позволив ему выйти из Обителю Сихэ и искупить вину.

Но недовольных было много.

Тень? Нечто бесплотное, кто в это поверит? За десять лет Тень в снегу появлялась крайне редко, и в основном это были лишь слухи. Сюэлянь — мастера обмана, кто знает, может, это лишь отговорка Дань Фэна, впавшего в ересь?

— Тогда ты убил многих моих учеников, разрушил мою судьбу, — сказал Цзинь Добао. — Этот кровавый долг, независимо от причин, всё ещё на твоих руках. Дань Фэн, ты десять лет разливал на свободе в снежных пустошах.

Дань Фэн прекрасно понимал злобу в его словах — при малейшей возможности Цзинь Добао снова бросит его на дно озера Ганьцзян!

Сюэ Юнь никогда не видел своего наставника таким и смотрел на него с удивлением. Но, взглянув на Сюэ Юня, он расплылся в улыбке и заговорил тоном, каким убаюкивают детей:

— Уянь, попав в руки этого по фамилии Дань, ты, должно быть, натерпелся? Наставник задержался в пути, но сейчас у меня есть время, я выдую тебе стеклянную фигурку. Хочешь дракона?

Он, словно хвастаясь, зажал между ладонями стеклянный стакан и с силой потёр его. Стекло зашипело, окрасившись в странный, фиолетово-золотой цвет. Он дунул, и между его ладонями появилось круглое, прозрачное тело дракона.

Эта детская забава была бы ничем не примечательна, если бы не снег, который кружился вокруг его ладоней. Снежинки, сталкиваясь с жаром, исходящим от его рук, мгновенно таяли.

Откуда в Обители Сихэ снег?

Если только он не находится под открытым небом, в метель, в окружении снежных призраков, и при этом играет в выдувание стекла!

— Хватит, убери свою уродливую игрушку. Где ты видел таких толстых драконов? — сказал Дань Фэн. — Я его не трогал, а ты его так напугал, что лицо его потемнело. Кто тебя учил так успокаивать учеников?

— В пути? В каком пути? Цзинь Добао, где ты? — спросил Сюэ Юнь.

— Мой ученик действительно умный, — рассмеялся Цзинь Добао. — Недалеко, наставник уже в Долине Белого Облака.

— Ну вот, племянник, не придётся тебе продавать себя в рабство. Твой наставник сам спешит расплатиться, — сказал Дань Фэн.

Не успел он договорить, как Сюэ Юнь, словно увидел призрака, вскочил на ноги. Дань Фэн схватил его за плечо и усадил обратно.

— Цзинь Добао, твой ученик от тебя бежит.

— Отпусти! — стиснув зубы, прошипел Сюэ Юнь.

— Уянь, слушайся. Я скоро буду, не уходи, — сказал Цзинь Добао, придавая голосу серьёзность и в то же время лепя своему толстому дракону нос и глаза.

Чем ласковее был его тон, тем сильнее дёргалось веко Сюэ Юня, а за ним и половина лица.

— Слушайся, — сказал Дань Фэн.

Те же два слова, но в его устах они звучали как откровенная угроза.

— Ты что, не видишь? Твой наставник пришёл не один, — сказал Дань Фэн. — Ты натворил что-то серьёзное, раз даже он встревожился. Неудивительно, что Цзинь Добао спешит тебя вытащить.

— Он? — переспросил Сюэ Юнь.

В следующую секунду его зрачки сузились.

В Зеркале малого возвращения духа, за спиной Цзинь Добао, за пеленой снега, внезапно вспыхнул фейерверк. Не было видно всего великолепия, лишь несколько раскалённых золотых угольков быстро падали вниз.

Это зловещее зрелище было знакомо каждому ученику Обители Сихэ.

Божественное оружие, охраняющее Пурпурную террасу, — Пурпурная глициния огненной темницы. На первый взгляд, это было просто высохшее дерево с железными ветвями, отливающими холодным чёрным светом, что совершенно не вязалось с бушующим пламенем Обители Сихэ.

Но эта холодная внешность была обманчива.

Малейшее прикосновение — и железные ветви мгновенно раскалялись докрасна, и без всякого предупреждения, с оглушительным рёвом, из них вырывался всепоглощающий поток огня!

Лишь главы Пурпурной террасы могли владеть этим оружием, которое стало вечным кошмаром для нарушителей дисциплины в Обители.

Огненное дерево и серебряные цветы, Янь Цзиньтин!

От ударной волны изображение в Зеркале на мгновение исказилось.

Сюэ Юнь, словно ощутив жар на своём лице, отшатнулся. В его сознании всплыли страшные легенды. Ему повезло, что, когда он проник в Тайное царство Тайчу, его спас Цзинь Добао, и он не попал в руки Янь Цзиньтина. Иначе его бы не просто заставили смотреть в стену, а впечатали бы в неё.

После того как Дань Фэн отправился в снежные пустоши, главная угроза для Обители миновала, но это не означало, что ученики могли творить что хотели. Янь Цзиньтин, восходящая звезда Обители, принёс с собой Пурпурную глицинию огненной темницы.

Сам он редко покидал Пурпурную террасу, но ветви глицинии могли достать до любого уголка Обители. Огонь преодолевал сотни ли в мгновение ока. Никто не знал, когда наступит кара. Может быть, тебя поймут с поличным, а может, Янь Тайцзунь решит наказать тебя спустя какое-то время, когда ты уже будешь уверен в своей безнаказанности.

Самая известная история была о двух учениках, идущих по Обители. Ученик А совершил серьёзное преступление и был напуган.

Ученик Б с радостью воскликнул:

— Смотри, маленький фейерверк!

В небе вспыхнула золотисто-красная искра, словно только что зажжённый фейерверк. Не успел он показать её товарищу, как его оглушил ослепительный взрыв! Когда дым рассеялся, на земле осталась лишь широкая дыра, из которой била вода озера Ганьцзян. Ученика А нигде не было. Его на месте вбили в огненную темницу на дне озера.

Так и появилось название «Огненное дерево и серебряные цветы».

Сюэ Юнь, будучи молодым и дерзким, когда-то презрительно называл это «маленьким фейерверком», считая, что в пределах Обители это не бог весть какая доблесть. Но десять лет назад один удар меча заставил всё молодое поколение учеников содрогнуться.

Тогда Дань Фэн, обвинённый в кровавой бойне у озера Белой Пагоды, был заточён в огненную темницу на дне озера. Владыка Обители был без сознания, а главы разных пиков не могли прийти к единому мнению. И тогда удар нанесли извне.

Глава клана Грозových Облаков, вместе с десятком других кланов, под предлогом старых грехов Дань Фэна, осадил великую формацию Обители Сихэ, требуя, чтобы Владыка лично выдал его на расправу. Вся Обитель была окутана вихрем из грозových туч девяти небес.

Но их ждали открытые врата великой формации.

Снежные призраки в радиусе тысячи ли взбесились и ринулись на владения Сихэ. Когда все уже проклинали Обитель за подлость, Янь Цзиньтин в одиночку вышел им навстречу, сломал ветвь Пурпурной глицинии и одним ударом меча...

Меч из терновых ветвей пропел на три тысячи ли, и мириады огненных звёзд устремились на восток!

Вопли снежных призраков стихли в одно мгновение.

Когда огненные метеоры упали на землю, в воздухе остался лишь белый пар от испарившихся призраков. Но люди не пострадали. Огненное дерево и серебряные цветы, с поразительной мощью и ужасающей точностью, сместились на один цунь, уничтожив призраков вокруг них, и только.

— Лишь по зову Владыки Обители можно наносить визит, — донёсся из глубин огненного тумана молодой, но лишённый всякой теплоты голос, звенящий, словно удар железа о камень.
— Незваные гости подобны ордам призраков!